

21) жамандга махагала ерлік хаган үхін тәрі дүрбен докшин судур.

22) ном ун хаган.

23) Евангелие отъ Св. Марка.

24) тарху ўре.

Записать мнѣ удалось 2 былины, 10 сказокъ, 32 пѣсни и 137 загадокъ и пословиць.

Кромѣ того я все время велъ дневникъ и дѣлалъ фотографическіе снимки.

Отчетъ члена Венгерскаго Комитета, Юлія Мессароша, о поѣздкѣ къ чувашамъ и приволжскимъ татарамъ.

Осенью 1906 г. я былъ командированъ Венгерскимъ Комитетомъ на Волгу, съ цѣлью изученія столь важнаго для венгерской филологіи чувашскаго языка и народа, говорящаго на этомъ языкѣ, главнымъ же образомъ для собиранія чувашскаго лексическаго матеріала на возможно болѣе обширной территоріи.

Для необходимыхъ подготовительныхъ работъ, я сначала поселился въ Казани, гдѣ и прожилъ до весны 1907 г., пока дороги въ Приволжьѣ стали доступны и я могъ покинуть зимнія квартиры и познакомиться съ чувашами въ ихъ собственныхъ жилищахъ. Изученіе чувашскаго языка я началъ уже въ Казани, занимаясь съ учениками тамошней учительской семинаріи грамматикой, записями словъ и чтеніемъ текстовъ. По мѣрѣ того, какъ подвигались занятія, все болѣе выяснялась необходимость ближе ознакомиться съ языкомъ приволжскихъ татаръ, тѣмъ болѣе, что чувашскій языкъ въ продолженіе столѣтій находился подъ его вліяніемъ; оно продолжается и понынѣ, такъ что безъ знанія татарскаго языка невозможно основательно изучить чувашскій. Итакъ, еще въ Казани я принялся за записи и изученіе татарскаго языка и освоился, какъ съ разговорнымъ, такъ и съ литературнымъ языкомъ; до конца путешествія я не прерывалъ сношеній съ татарами. Для завершенія моихъ занятій и записей по татарскому языку, я отправился ранней весной въ татарскую деревню Тюбентъ Корса,

въ 75 верст. отъ Казани, и провелъ тамъ 1½ мѣсяца. Впродолженіе этого времени я дополнилъ матеріалъ для словаря и собралъ много образцовъ народной поэзіи, татарскихъ суевѣрій и формулъ заклинаній. Отсюда черезъ Казань я направился внизъ по Волгѣ въ область распространенія чувашскаго языка, въ деревню (Симбирской губ.) Тайба Таушево; она лежитъ приблизительно въ центрѣ южно-чувашскаго діалекта (Анатри), главнымъ образомъ того нарѣчія, которое выработалось въ литературный языкъ чувашей и, по сравненію съ сѣверно-чувашскимъ діалектомъ (Вирьяль), въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранило первобытныя особенности. Большая часть лѣта прошла въ записяхъ для словаря и собираніи образцовъ народной поэзіи; я часто дѣлалъ поѣздки въ окружныя деревни по рѣкѣ Свіягѣ, пользуясь каждой возможностью пополнить мой татарскій словарь и собраніе народной поэзіи, когда случалось попадать въ татарскія деревни, разсѣянные, какъ островки. Я дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что у симбирскихъ татаръ въ языкѣ и обычаяхъ сохранилось много древнихъ особенностей, общихъ съ чувашами, и которыя мы напрасно стали бы искать у татаръ казанскихъ. У татаръ-мусульманъ здѣсь сохранились древнія жертвоприношенія и молитвы языческаго времени, которыя русскіе изслѣдователи до настоящаго времени встрѣчали только у татаръ-христіанъ.

Въ концѣ лѣта я передвинулся дальше на югъ Симб. губ., все еще въ предѣлахъ діалекта Анатри, въ деревню Улгашъ къ чувашамъ-язычникамъ, которыхъ теперь можно очень рѣдко встрѣтить. Въ языкѣ ихъ встрѣчается мало уклоненій отъ обыкновеннаго произношенія Анатри, но зато у нихъ сохранилось много первобытнаго и остатковъ язычества и волшебства. Отмѣтить эти остатки — настоятельный долгъ современнаго изслѣдователя, ибо они исчезаютъ одинъ за другимъ, и даже среди стариковъ начинаютъ исчезать воспоминанія о прошломъ. Остатки язычества у южныхъ чувашей особенно интересны потому, что первобытная религія народа сохранилась здѣсь въ самомъ чистомъ видѣ; на сѣверѣ же съ давняго времени сказывалось вліяніе ислама и православія. Я здѣсь записалъ весь строй чувашской міеологіи съ преданіями, молитвами и жертвоприношеніями, а такъ какъ мнѣ удалось привлечь къ моимъ занятіямъ чувашскаго знахаря, то въ моихъ рукахъ оказался богатый и интересный матеріалъ по колдов-

ству, о которомъ мы до сихъ поръ имѣли недостаточныя и невѣрные представленія. Наряду съ записью языческихъ обрядовъ и церемоній чувашей при свадьбѣ, рожденіи и погребеніи, я пополнилъ мое прежнее собраніе народной поэзіи новымъ богатымъ матеріаломъ.

Послѣ этого я покинулъ область нарѣчія Анатри и, пересѣкая съ короткими остановками всю область расселенія южныхъ чувашей въ сѣверномъ направленіи, вернулся въ Казань, частью, чтобы отдохнуть, частью, чтобы сохранить въ безопасномъ мѣстѣ мое значительное собраніе рукописей. Межъ тѣмъ наступила уже поздняя осень, и я поспѣшилъ уѣхать изъ Казани, чтобы до морозовъ успѣть подняться вверхъ по Волгѣ въ Чебоксары. Отсюда я хотѣлъ начать мою зимнюю экспедицію. Планъ мой былъ: изъ Чебоксарскаго уѣзда направиться на западъ къ рѣкѣ Сурѣ и изучить всю область распространенія Вирьяльскаго нарѣчія, въ особенности тѣ мѣста, гдѣ еще не работали собиратели и изслѣдователи.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ я прожилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и объѣздилъ всѣ деревни, на которыя указывали полученныя мною тамъ свѣдѣнія, какъ на наиболѣе интересныя, и въ которыхъ лучше всего сохранялись воспоминанія о язычествѣ и о старинѣ.

Дольше всего я прожилъ въ Вомбу-касси и Різѣк-Кагаѣова. Въ области сѣвернаго чувашскаго языка я имѣлъ случай наблюдать поразительное богатство отдѣльныхъ нарѣчій; почти каждая деревня отличается въ какомъ-нибудь отношеніи отъ сосѣдней, и я особенно тщательно записывалъ эти различія и провинціализмы.

Отсюда я направился на западъ, въ Козьмодемьянскій уѣздъ и по дорогѣ остановился на 2 недѣли въ Чандерѣ (на картѣ Сундырь), гдѣ уже замѣчается вліяніе черемисскаго языка, которое все усиливается, чѣмъ дальше подвигаешься на сѣверо-западъ. Пограничнымъ пунктомъ чувашскаго языка служитъ Пошкыртъ вблизи Суры; языкъ здѣсь въ грамматическомъ строѣ и фонетикѣ представляетъ столько уклоненій отъ Анатри и Вирьяльскаго, что его почти можно считать за отдѣльный діалектъ; черемисское и татарское вліяніе сильно сказываются въ немъ. Собравъ богатый матеріалъ по нарѣчіямъ и образцы народной поэзіи, я изъ Пошкырты направился на югъ въ Ядринскій уѣздъ, гдѣ языкъ почти не представляетъ уклоненій отъ обыкновеннаго Вирьяльскаго нарѣчія. Я проѣхалъ весь уѣздъ съ болѣе или менѣе

долгими остановками и затѣмъ перешелъ въ Цивильскій уѣздъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней въ Чуттеѣ (на картѣ — Чутѣево); здѣсь опять область нарѣчія Анатри, и приблизительно проходитъ граница между сѣверными и южными чувашами. Оставался еще Симбирскъ и знаменитая чувашская школа въ Симбирскѣ, ученики которой служатъ представителями всѣхъ чувашскихъ нарѣчій, включая сюда уфимскихъ и самарскихъ колонистовъ. Меня интересовали главнымъ образомъ послѣдніе, п. ч. я имѣлъ намѣреніе познакомиться, если это стоило, съ уфимскими чувашами, но собранныя мною свѣдѣнія и личныя наблюденія показали мнѣ, что языкъ уфимскихъ и самарскихъ чувашей ничѣмъ не отличается отъ языка родины чувашей — праваго берега Волги. Чуваша стали селиться на лѣвомъ берегу только послѣ Пугачевского бунта, т. е. 100 — 120 лѣтъ тому назадъ, такимъ образомъ всѣ эти поселенія недавнія и въ языкѣ и обычаяхъ сходны съ коренной областью.

Въ Симбирскѣ окончились мои филологическія и этнографическія изслѣдованія среди чувашей, а вмѣстѣ съ тѣмъ закончилась и моя миссія, и я сталъ собираться домой. Захвативъ оставленныя въ Казани рукописи, я вернулся въ Венгрію въ концѣ февраля 1907 года.

Теперь перехожу къ отчету о собранныхъ мною матеріалахъ. Чувашскій лексическій матеріалъ обнимаетъ всѣ діалекты этого языка и даетъ полное представленіе объ ихъ развѣтвленіяхъ. Я придавалъ особую важность изученію діалектовъ и записи словъ, такъ какъ оно и было цѣлью моей экспедиціи и важнѣйшей задачей ея. Собраніе чувашской народной поэзіи обнимаетъ всѣ роды проявленія народнаго духа и распадается на слѣдующія группы: 507 пословицъ, 224 загадки, 787 пѣсенъ. Послѣднія носятъ исключительно лирической характеръ; отъ эпического творчества въ чувашской народной поэзіи не осталось и слѣда, но это еще не служитъ доказательствомъ, что его вовсе не было. Въ различныхъ мѣстностяхъ мнѣ довелось слышать отъ стариковъ, что существовала длинная, длинная пѣсня о взятіи Казани (*Хозан tortsā il'nə jorǵē*), но теперь ея больше никто не знаетъ. По всей вѣроятности, это была длинная эпическая поэма о послѣднихъ войнахъ и паденіи татарскаго царства. Это было важнымъ и печальнымъ событіемъ въ жизни чувашей, потому что вмѣстѣ съ русскимъ завоеваніемъ и чуваша лишились возможности продолжать тотъ болѣе неза-

висимый образъ жизни, который вели при татарскихъ ханахъ. Легенды, которыя я слышалъ въ Цивильскомъ и Буинскомъ уѣздахъ, служатъ, вѣроятно, отрывками изъ древней эпической поэмы, такъ сказать, эпилогами забытаго эпоса. Одинъ изъ вариантовъ повѣствуетъ слѣдующее: «Когда русскія полчища уже взяли Казань, татарскій *ratšā* попросилъ русскаго *ratšā* исполнить его послѣднее желаніе; русскіе согласились, и татарскій *ratšā* пошелъ въ мечеть, взялъ свою лютню и, стѣя на вышкѣ мечети, сталъ играть пѣсню; она была такая жалостная и печальная, что тронула сердце всѣхъ воиновъ: русскіе и татары пали на колѣни и плакали; тогда *ratšā* началъ играть другую пѣсню — веселую, и всѣ воины начали плясать. И третью пѣсню онъ запѣлъ, и опять всѣ плакали и рыдали. Тогда *ratšā* разбилъ свою лютню о стѣну, обратился въ лебедя и улетѣлъ на югъ на берегъ «молочнаго озера». Внуки его живы и донинѣ, они ждутъ, не дождутся, вернуться опять въ Казань и изгнать русскаго *ratšā* (*šəŋ-el'vūš* — Цивильскій уѣздъ).

Это какъ-бы заключительный аккордъ утраченной поэмы о взятіи Казани. Лирическія пѣсни распадаются на: 1) пѣсни общественныя, 2) свадебныя, 3) пивныя, 4) солдатскія, 5) прядильныя, 6) пѣсни поминальныя, 7) пѣсни во время масленицы, 8) пасхальныя, 9) рождественскія и 10) дѣтскія. Чуваши вообще охотники до пѣнныя, но родиной настоящихъ и лучшихъ пѣсенъ надо считать Анатри-чувашскую область, особенно мѣстность около Буинска. У вирьяловъ лирическія произведенія хуже: они по большей части напѣваютъ или мурлычатъ безъ словъ, но, если и есть текстъ въ пѣснѣ, то въ немъ мало чувства и огня, а содержаніе большей частью неприличное. Самыя интересныя — это оригинальныя пивныя и поминальныя пѣсни. Хмель отъ выпитаго меда и печаль при погребеніи будятъ въ душѣ чуваша звуки, въ которыхъ горячее чувство и тоска разлуки сливаются съ наивною непосредственностью и житейскою мудростью.

Есть еще разрядъ стихотворныхъ произведеній — это *такмак*, свадебныя и дѣтскія пѣсни, которыя по красотѣ и наивности должны занять первенствующее мѣсто въ народной поэзіи чувашей; у меня есть образцы ихъ, причемъ наиболѣе непосредственные принадлежатъ чувашамъ-язычникамъ.

Сказками чуваша богаты: я записалъ ихъ 50, длинныхъ и корот-

кихъ изъ различныхъ мѣстностей; между ними есть сказанія о герояхъ, сказки о плѣшивыхъ и басни. Разсматривая ихъ содержаніе и дѣйствующихъ лицъ, поражаешься сходствомъ ихъ, въ большей части случаевъ даже полной тождественностью съ татарскими. Съ венгерскимъ міромъ сказокъ чувашскій имѣетъ также много общаго.

Наиболѣе цѣннымъ отдѣломъ чувашской народной поэзіи является собраніе текстовъ, относящихся къ первоначальной вѣрѣ ихъ. Я занимался этимъ вопросомъ съ особенной любовью и изучалъ возможно подробнѣе эти скрытыя, но зато самыя раннія сокровища народнаго духа. Я собиралъ сказанія и легенды о мифическихъ существахъ, преданія о стихіяхъ, небесныхъ тѣлахъ, явленіяхъ природы, о животномъ и растительномъ царствѣ. Я записалъ порядокъ и послѣдовательность языческихъ жертвоприношеній и праздниковъ и молитвы, конечно, въ оригиналѣ. Смерть, погребеніе, празднества въ честь мертвыхъ, загробный міръ, народныя вѣрованія и обычаи, связанные съ ними, составляютъ слѣдующую главу въ моемъ собраніи. Знахарствомъ и колдовствомъ я также подробно занимался; различными путями мнѣ удалось сойтись со многими знахарями, которые посвятили меня въ свою науку, и я записалъ около 100 заклинаній и магическихъ молитвъ. Глава о предсказаніяхъ и толкованіи сновъ дополняютъ собранный мною матеріалъ по древней чувашской вѣрѣ.

Что же касается собранія народной поэзіи приволжскихъ татаръ, то я укажу кратко въ цифрахъ, что я записалъ: 272 пословицы, 74 загадки, 390 пѣсень, 12 (эпическихъ) поэмъ, 36 сказокъ, 5 анекдотовъ. Кромѣ того, я изучалъ и суевѣріе среди татаръ, собирая въ различныхъ мѣстностяхъ относящійся сюда матеріалъ и по той же системѣ, какъ у чувашей. Въ Симбирскѣ у татаръ-мусульманъ я нашелъ остатки жертвоприношеній и молитвъ изъ языческой эпохи, о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣли свѣдѣній; въ этой области нѣкоторые слѣды были найдены русскими изслѣдователями только у татаръ-христіанъ.

Я имѣю богатые записи словъ и даже матеріалъ для цѣлаго татарскаго словаря, при чемъ мною обращено вниманіе на различные діалекты, такъ какъ во время поѣздокъ къ чувашамъ я не упускалъ случая записывать татарскіе слова и тексты на всякомъ встрѣченномъ мною татарскомъ островкѣ.

Въ заключеніе, спѣшу выразить благодарность Венгерскому Комитету Международнаго Союза, который своей нравственной и матеріальной помощью въ теченіе 1½ лѣтъ способствовалъ успѣху моей экспедиціи. Съ благодарностью вспоминаю всѣхъ, въ комъ встрѣтилъ доброжелательную поддержку моимъ научнымъ стремленіямъ, и прежде всего ученыхъ: гг. Радлова, Катанова и Ашмарина, которымъ и приношу мою искреннюю благодарность за дружеское отношеніе и содѣйствіе.

Поѣздка секретаря консульства въ Урумчи Б. В. Долбежева къ развалинамъ Бишбалыка.

(Изъ письма къ В. Л. Котвичу.)

Я выполнилъ Ваше порученіе относительно Бишбалыка и пути Ван-янь-дэ и, кажется, не безъ результатовъ. Пройти изъ Турфана на сѣверъ черезъ горный хребетъ мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось, и я сдѣлалъ лишь часть этого пути въ обратномъ направленіи.

Я выѣхалъ изъ Урумчи вмѣстѣ съ коммерсантомъ В. П. Портныхъ 29 августа. Въ Джимисарѣ намъ сразу сказали, что въ 20 лиш-комъ ли къ сѣверу, недалеко отъ селенія Ху-пу-дзы (правильнѣе, Хоу-бад-дзы 后堡子) есть развалины древняго города, здѣсь у всѣхъ онѣ извѣстны подъ именемъ По-чэн-дзы (П'о-ч'оң-зы 破城子).

Развалины грандіозны по своимъ размѣрамъ. По снятіи съ нихъ плана оказалось, что въ окружности городъ былъ около 4 версты; сохранились остатки многихъ башенъ; высота двухъ изъ нихъ доходитъ до 30 аршинъ. Ширина стѣнъ и сейчасъ во многихъ пунктахъ равняется 15 аршинамъ. Весь городъ глинобитный; верхушки строеній и своды были доложены сырцовымъ кирпичемъ большой величины. Вся сѣверная стѣна города представляетъ огромный глинобитный валъ, въ которомъ были устроены сводчатыя пещеры-комнаты. Я насчиталъ ихъ 64. Онѣ были нѣкогда выштукатурены известкой, на которую затѣмъ положена глиняная штукатурка. Кое-гдѣ въ пещерахъ остатки постаментовъ, на которыхъ помѣщались статуи; кое-гдѣ ниши, гдѣ, вѣроятно, были живописныя изображенія. Сохранилось только одно,